

(Начало на стр. 3)

— Я вам могу напомнить, что еще два года назад я был объектом омерзительнейшей кампании, для проведения которой избрали журнал «Крокодил». Я не знаю, кто инспирировал эту кампанию. Меня обзывали псом американского империализма, отщепенцем, достигшим Эвереста предательства, призывали привязать меня к позорному столбу, плевать мне в лицо от имени народа и так далее. И все это печаталось на протяжении нескольких месяцев.

— И все это в «Крокодиле»? И два года назад?

— Да, всего два года назад. В 1988 году, когда моя жена Майя впервые поехала в Союз после изгнания. Она приехала в Москву в январе, и именно в январе опубликовали первую подборку в «Крокодиле». После этого они каждый месяц печатали так называемые подборки так называемых писем трудящихся.

— Любопытно, придет ли вам сейчас «Крокодил» поздравления или нет?

— Да, и впрямь любопытно.

— Вопрос, который многих интересует: есть ли у вас американское гражданство?

— До прошлого года я был без гражданства, так называемым «резидентом». Разумеется, не в нашем смысле слова — не разведчиком, а человеком, имевшим только вид на жительство. Вообще я был «беспаспортным» бродягой. Американское гражданство я получил лишь в мае прошлого года.

— Могу и ошибиться, но мне кажется, что двойное гражданство не разрешено ни нашим, ни американским законодательствами.

— К сожалению, вы правы. Ни та, ни другая сторона не признает двойное гражданство. И это порождает определенную двусмысленность в нашей ситуации. Я лично не собираюсь отказываться от американского гражданства. Я прожил в Штатах многие годы, и было бы актом элементарной неблагодарности отказаться от гражданства страны, которая протянула тебе руку в самый драматический период твоей жизни. Но все это, по сути дела, мало что меняет. Оно имеет отношение к чисто формальной стороне дела. Я не думаю, что я сейчас вернусь в Россию насовсем, забросив все свои дела здесь, свою «здесьнюю» жизнь. Я просто не могу этого сделать. У меня здесь дом, постоянная работа, мои студенты, литературные дела, театральные и телевизионные проекты...

— Позвольте вас перебить. Не все наши читатели знают о вашей работе и ваших литературных проектах.

— Я являюсь профессором университета Джорджа Мэйсона, это неординарная профессура. В университете создана группа представителей различных профессий, в задачу которой входит, если можно так выразиться, создание интеллектуального климата. Это особенно почетная функция, предполагающая и особый процесс избрания. Кроме того, я веду семинары по русской литературе, начиная от «серебряного века», а вернее даже от Гоголя и Достоевского, а также семинары о творческом письме, то есть самом литературном процессе. Но мое основное дело — это, конечно, писание романов. Мое постоянное издательство в Штатах — «Рэндом хаус». Телевизионные задумки проходят с трудом и тянутся долго. Главная трудность — поиск денег. В одном из Вашингтонских театров собираются ставить мою пьесу.

— Можно ли суммировать ваше нынешнее положение следующим образом: американский гражданин и русский писатель с открытой постоянной визой в Союз?

— Если бы это было так, то было бы просто замечательно. Мне хотелось бы проводить как можно больше времени в России, восстановить связи с ее повседневной жизнью, ибо, как я ощущаю, я оторвался от нее. За десять лет зарубежья бывали моменты, когда Россия казалась нам расположенной на какой-то отдаленной планете. Были периоды абсолютной изоляции. Почти никто не приезжал к нам. Оторванность от русской жизни приводила к тому, что Россия превращалась для меня из реальной страны в какую-то мысленную. Однако моя связь с русской культурой не только не ослабла за эти годы, но, пожалуй, еще больше усилилась. Сейчас для меня очень важно восстановить связь с самой Россией. Я хочу путешествовать, наблюдать вплотную то, что происходит на «горбачевской» Руси, и даже, возможно, записать. Не исключаю я и такое: годы идут, мы все стареем и, быть может, стоит выходить в отставку где-то поближе к родным местам.

— Многие представители русской культуры зарубежья говорят о том, что предпочитают доживать свой век на Западе, а вот умирать — вернувшись на родину. Мне кажется, что это попытка оправдать-

ся и выиграть время. Смерть на Западе, как и акт рождения, не говоря уже о жизни, куда «комфортнее», чем в России. Женщина на Западе не ревет белугой во время родов, ибо анестезия здесь на высоком уровне. Новорожденный имеет вдоволь и молока, и витаминов, и одноразовых подгузников, которые не менее важны, чем пресловутые одноразовые шприцы. Ну а смерть — хотя она смерть и есть — умудряется выглядеть прилично. Милосердия на Западе не меньше, чем денег. Медицина, психология, религия облегчают уход на тот свет менее варварским способом, чем у нас.

Но в проблеме возвращения «блудных сынов» поневоле есть другая, более важная сторона. Наши люди, чего скрывать, в обиде на вас. Вот, мол, мы добились свободы, вернули вам гражданство, а вы все не едете к нам насовсем. Обидно как-то. наших людей можно понять. Можно понять и то, почему они уже первый

Василий

АКСЕНОВ:

ОСТАЮСЬ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ

проблеск свободы принимают за свободу. Натерпелись, наждались. Но у «блудных сынов» не все так просто. И я их понимаю. Почему они, обжегшись на молоке, дуют на воду. Пока что в Союз вернулся один Любимов. И это, думаю, не столько патриотизм, сколько творческая необходимость. Любимов — это театр на Таганке. Любимов не может увезти на Запад всех своих артистов, весь театр. Иное дело танцор — его ноги всегда при нем. И дирижер может обойтись без палочки, выточенной из русской древесины. И для писателя нет необходимости в физическом присутствии отечественного читателя.

— Относительно жизни и смерти. Это вопрос исключительно тонкий, сложный и индивидуальный. Особенно для космополитической публики, к которой я себя отношу. На самом деле я не американизировался. Я никогда не стану американцем, хотя я и стал гражданином США. Но то, что я космополитизировался, это верно. Я принадлежу в значительной степени к русскому зарубежью. И в этом смысле вопрос завершения жизни возникает в очень каких-то неожиданных для многих из нас, такого рода людей, аспектах.

Чтобы пояснить мою мысль, я расскажу вам один весьма любопытный эпизод. Несколько лет назад в Вашингтон приехал известный польский драматург Мрожек. Он уже давно жил в Париже. Чуть ли не всю жизнь. Мы пошли с ним ужинать. И вот во время трапезы он сказал мне приблизительно следующее: «Знаете, живу вот я в Париже, деньги у меня есть, веду комфортабельную жизнь, одинок. И как-то неожиданно меня пронзила мысль, что я не только живу в Париже, но и умру в нем. Эта мысль показалась мне невыносимой, и сейчас я путешествую по миру и ищу место, где бы умереть». Не знаю, что он в конце концов выбрал, но живет он сейчас в Мексике.

— Ну Мрожек совсем не оригинален. Помните, у Маяковского: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва»? Я понимаю состояние умов россиян, преданных русской культуре. Признавая вас одним из властителей дум своих, они в то же самое время хотели бы, так сказать, быть вашими физическими властителями. Ощущать вас и даже дотронуться до вас, как Фома неверующий. Писатель на Руси прописан не в паспорте, а в душах его читателей. Но эта прописка иногда ведет к

эгоистичной, даже жестокой страсти. Отсюда не просто призыв, а требование — «вернитесь»!

— Я думаю, возвращаться или не возвращаться — это исключительно личное дело каждого писателя. Конечно, русские писатели, живущие и работающие за границей, принадлежат прежде всего русскому же читателю. Мы не вышли в люди на Западе, не стали здесь знаменитыми авторами бестселлеров. Вероятно, и не станем никогда. Нас любит русский читатель, и мы принадлежим русскому читателю. А то, что мы живем здесь, это говорит лишь о превратности нашей судьбы, говорит о том, что произошло с нами. Это факт биографии, вот и все. Я думаю, что постепенно, по мере продвижения Советского Союза в сторону нормальной жизни, по мере продвижения его, так сказать, к семье народов, этот вопрос потеряет свою остроту.

Возьмите последние годы. Сейчас, куда ты ни приедешь, всюду наткнешься на советских писателей. Этим летом некоторые места, некоторые маленькие городки штата Вермонт напоминали Подмоскovie или Рижское взморье, так много было там советских писателей, почти как на дачах в Переделкине. Советские писатели путешествуют сейчас, как одержимые. Ворота на Запад открылись, и они стараются как можно больше увидеть, ибо боятся, как бы эти ворота опять не захлопнулись.

И это вполне объяснимо. Это период, который русская литература должна обязательно пройти. Это — «бродячий период» русской литературы. И слава Богу. К тому же разрушаются заборы провинциализма, которые поставили, заборы и рогатки деревенского общества, отгородившие нас от мировой культуры. Чем больше будут ездить, чем больше будут сидеть и писать в разных нью-Йорках и парижках, тем лучше.

Почему Джеймс Болдуин — негр и американский писатель — мог свою жизнь прожить в Париже, оставаясь и негром, и американским писателем, а мы не можем? Почему Хемингуэй мог почти всю жизнь прожить во Франции и на Кубе и тем не менее стать классиком американской литературы? Николай Васильевич Гоголь, между прочим, восемнадцать лет, то есть огромный кусок своей сознательной и созидательной жизни, самые яркие и творческие годы провел в добровольной эмиграции. Пройдет немного времени, и этот вопрос перестанет быть злободневным.

Все будет зависеть исключительно от того, где тебе лучше пишется.

— Существует и такая проблема, которую некоторые конфузливо обходят: даже духовные пастыри живут не духом единым. Они тоже имеют право на материальное благополучие. Россия по бедности своей, хотя среди россиян и были великие меценаты, не могла сполна одаривать своих гениев. Многие гении были ей просто не по карману. Тот же Шалыпин, тот же русский балет. А в наше время, скажем, Ростропович, Барышников. Русских литераторов это касается меньше, но тем не менее проблема существует. От нее никуда не уйдешь.

— Что касается Шалыпина, то я думаю, что если бы старое русское дореволюционное общество сохранилось, то он в основном жил бы в России, и она платила бы ему сполна. Он, конечно, путешествовал бы, был бы мировым певцом, но жил бы все-таки в России. Конфликт его был не с платежным ведомством, а с советской властью. Но, конечно, я с вами согласен: страна, народ, публика должны платить своим «звездам». «Звезды» должны получать достойное их вознаграждение везде и во всем: в спорте, балете — короче, во всем, в соответствии с их звездным статусом. Конечно, в Америке это доходит иногда до абсурда. И вообще Америка склонна к гиперболам. Звездная болезнь в Америке доходит иногда просто до идиотских масштабов, когда, скажем, за маленькую роль, сыгранную в кино, актер получает 60 миллионов долларов. Это уже гомерическое проявление американской одержимости. Но в принципе вы правы. И думаю, если в России развитие пойдет нормальным путем, люди станут получать по заслугам.

— Вернемся от материи к духу. Вы говорили о том, что хотели бы подольше пожить в России, попутешествовать по ней, восстановить разорванные временем связи и даже пописать на русской земле. Есть ли у вас какие-нибудь конкретные идеи нового романа?

— В начале мая я закончил новый роман, вернее, первый том задуманной трилогии. Я решил податься в классику. А без трилогии в классику не берут. И вот я засел за сагу, за историю семьи знаменитого московского хирурга, точнее, за историю трех поколений потомственных интеллигентов-врачей, живших в сталинское время. Сага будет охватывать годы с 1925-го по 1953-й. Это будет хроника жизни русской интеллигенции в эпоху сталинизма.

— Вы уже связались с каким-либо нашим издательством на предмет опубликования первой книги вашей трилогии?

— Нет еще. Кстати, это также пример моего некоего отрыва от советской жизни. Дело еще и в том, что в Союзе скопилось колоссальное количество моей писанины, которая только сейчас начинает выходить в свет. Это то, что раньше было запрещено. Было вообще немисливо представить себе эти книги напечатанными в Союзе. Ведь еще совсем недавно за хранение таких моих романов, как «Ожог» или «Остров Крым», можно было склонотать тюремный срок.

— Как вы назвали вашу новую работу — трилогию и ее первый том?

— Пока что вся эта история называется «Положение зимы». Звучит не совсем по-русски, скорее как переводное с английского. Впрочем, так оно и есть. Роман вырос из задуманной мной серии для американского телевидения. Сейчас рабочее название трилогии «Московская сага». Название первой книги «Градовы, смена веков».

— Роман с сатирическим уклоном?

— Нет, нет — это написано в абсолютном отходе от моей гротесковой манеры. Это сугубо реалистический роман, лишь с небольшими «вывихами».

— Думаю, не надо быть очень прозорливым, чтобы догадаться: династия Градовых-хирургов пройдет через круги ада — «врачей-отравителей» Фрунзе, 1937 год и «врачей-отравителей» под занавес сталинской тирании в 1952—1953 гг.

— События, упомянутые вами, — это канва всего романа...

Я еще раз поздравляю Василия Аксенова с тем, что он вновь гражданин Советского Союза («читайте, завидуйте...»), что кончилось его физическое отлучение от Родины и родной литературы. И на сей раз, будем надеяться, навсегда. Хотя ничто необратимо в нашей жизни за исключением времени.

Мэлор СТУРА.

Вашингтон.

НА СНИМКЕ: Москва, 1989 год. В. Аксенов и О. Табаков после спектакля «Заговоренная бочкотара» (по Аксенову) в театре-студии п/р Табакова.

Фото О. Межецкого.

**Василий
АКСЕНОВ:**

ОСТАЮСЬ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Василий Аксенов живет в городе Вашингтоне, округ Колумбия, на улице Лингэн-роуд, небольшом отростке проспекта Фекс-холл весьма фешенебельного района американской столицы. Аксенов живет в Соединенных Штатах десять лет. Год назад получил американское гражданство, а на днях наше государство возвратило ему гражданство СССР. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын.

Я приехал к Аксенову, чтобы проинтервьюировать его в связи с этим событием.

— Ну как, принимаете поздравления? — спросил я писателя, включая диктофон.

— Да, принимаю, звонят постоянно. В моем университете (Аксенов преподает в университете Джорджа Мэйсона) меня поздравила профессура, актеры нашего театра. Поздравили весело, с шутками.

— Василий, когда я задавал вопрос, я имел в виду не столько «принимаете», сколько «приемлете». Каково ваше внутреннее ощущение?

— В общем-то это несколько запоздалая акция. Но лучше поздно, чем никогда. Мы давно ее ждали. Ее отсутствие шло в полный разрез с тем, что происходит в стране. Когда ты смотришь на то, что происходит в России, на то, как там расцветают все партии — от анархистов до монархистов, — то как-то странно видеть, что некоторых романистов до сих пор все еще считают врагами государства. Это и странно, и смешно. Мы очень здесь удивлялись тому, почему Горбачев столь нерешителен, тем более что на него оказывали давление интеллигенция, творческие круги, журналисты. Событие это не лишено сильного привкуса горечи — ведь справедливость восторжествовала лишь десять лет спустя. Но, впрочем, это уже в наших российских традициях. Однако справедливость восторжествовала. Я воспринимаю это как акт извинения, формальный акт извинения от лица нынешних руководителей государства, хотя они сами и не участвовали в той брежневской акции. Второй важный момент — этой мерой новые руководители России еще раз отмежевались от прошлой тоталитарной практики.

— Размышляя над тем, почему государство не совершило давно назревший акт справедливости сразу и для всех, а предпочло метод «через час по чайной ложке», я склоняюсь к такой версии: сейчас страну нашу захватывают отрицательные эмоции, жизнь пропитана драматическими коллизиями, и вот по-человечески хочется разбавлять ее, елико возможно, приятными новостями. Акт справедливости в отношении к цвету русской культуры, грубо вышибленному за пределы родины, — из их числа. Вот кто-то наверху и решил продлить это удовольствие, растянуть его во времени, запамятавав, что подобная роскошь позволялась опять-таки за счет жертв несправедливости.

Я не исключаю и того, что здесь шла большая игра. Но в общем-то, честно говоря, эта сторона дела меня не касается. Мне это не важно, ибо я в политической игре не участвую. Мы все думали лишь об одном — почему это так долго тянулось? Казалось, все ясно. Уже начали печатать произведения Солженицына, мои, других писателей-эмигрантов. Наши романы стали чуть ли не хрестоматийными. А власти все еще не решались вернуть нам гражданство. Мне лично кажется, что в это дело были вовлечены личные амбиции некоторых людей. Я имею в виду тех, кто в течение многих лет осуществлял все эти позорные акции против нас. Ведь эти люди по-прежнему сидят, например, в органах Госбезопасности.

— Я с этим абсолютно согласен. Ситуация складывается весьма странная. Перед вами извиняются, восстанавливают справедливость, а тех, кто творил беззаконие, не наказывают. Есть вина, но нет виновных.

(Окончание на стр. 15)